

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-113-133

ЛЕВ ТИХОМИРОВ: ЭТИЧЕСКИЙ МОНАРХИЗМ И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ

М.Б. Смолин, канд. историч. наук, зав. кафедрой истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, ул. Библиотечная, д. 7, г. Химки, Московская обл., Российская Федерация, 141406*

“Монархическая государственность” Л.А. Тихомирова дала монархическому движению идейное выражение своих чувств и бессознательных национально-патриотических ощущений, изложенных в строгую в своем логическом построении систему истории и догматики монархической государственности, чего не было сделано ранее до выхода этой книги.

В конечном счете, все мнения о России, о ее судьбе, призвании, истории, все “за” и “против” сводятся к одному вопросу: самобытна ли Россия или нет? Из ответа на этот вопрос исходят уже все остальные концепции. Или, иными словами, все концепции, все идеи, по сути, могут подразделяться на признающие самобытность в отношении России и на отрицающие ее.

Самобытность верховной власти в России — одна из наиболее ярких областей самобытности русского духа. Самобытность самодержавия в его историческом пути. Оно родилось и росло вместе с рождением и ростом самой русской нации. Оно стало социальным институтом русского народа, включало в себя все религиозные, психологические, бытовые и культурные стереотипы русского мышления, психологии, веры и вкусов.

Ключевые слова: самобытность, верховная власть, монархия, самодержавие, Л.А. Тихомиров, государственность, политика, принципы.

LEV TIKHOMIROV: ETHICAL MONARCHISM AND SUPREME POWER

Smolin Michail B., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History and Historical Archives of the Moscow State Institute of Culture, st. Library, 7, Khimki, Moscow region, Russian Federation, 141406, e-mail: fondiv@mail.ru

“Monarchic statehood” L.A. Tikhomirova gave the monarchist movement an ideological expression of her feelings and unconscious national-patriotic feelings, set out in a strict system of history and dogmatics of monarchical statehood in its logical construction, which had not been done before the publication of this book.

* **Смолин Михаил Борисович**, e-mail: fondiv@mail.ru

Ultimately, all opinions about Russia, about its fate, vocation, history, all pros and cons come down to one question: is Russia original or not? From the answer to this question, all other concepts proceed.

Or, in other words, all concepts, all ideas, in fact, can be divided into those that recognize originality in relation to Russia and those that deny it. The identity of the Supreme Power in Russia is one of the most striking areas of the identity of the Russian spirit.

The originality of the autocracy in its historical path. It was born and grew along with the birth and growth of the Russian nation itself. It became a social institution of the Russian people, it included all the religious, psychological, everyday and cultural stereotypes of Russian thinking, psychology, faith and tastes.

Key words: *originality, supreme power, monarchy, autocracy, L.A. Tikhomirov, statehood, politics, principles.*

С выходом исследования “Монархическая государственность” (1905) признание Л.А. Тихомирова как теоретика государственного устройства выросло еще более в среде правой русской общественности. Он стал желанным гостем многих знаменитых людей своего времени, с ним советовались по разным вопросам, его приглашали для разговоров и министры, и великие князья.

Осенью 1905 г. при посредничестве генерал-лейтенанта Александра Алексеевича Киреева, друга Л.А. Тихомирова, состоявшего при Великой княгине Александре Иосифовне, Великий князь Константин Константинович передал Государю Императору книгу Л.А. Тихомирова “Монархическая государственность”. А в феврале 1906 г. А.А. Киреев обратился к министру Императорского Двора В.Б. Фредериксу с просьбой об исходатайствовании Л.А. Тихомирову знака Монаршего внимания за поднесенный Государю Императору труд “Монархическая государственность”.

Вследствие этого прошения было Высочайше повелено выдать из Кабинета Его Императорского Величества Л.А. Тихомирову подарок ценою около двухсот рублей. Заказ Кабинета Его Императорского Величества выполняла фирма Фаберже. 28 февраля 1906 г. за поднесение Его Императорскому Величеству сочинения “Монархическая государственность” Л.А. Тихомиров был удостоен Всемилостивейшего пожалования — серебряной чернильницы “Empire” с изображением государственного герба. Л.А. Тихомиров по получении подарка написал 15 марта Всеподданнейшее прошение, выражающее Его Императорскому Величеству благодарность за Всемилостивейше пожалованный ему подарок.

Подарок им был воспринят как “нравственное одобрение” его трудов по разработке монархического принципа власти, которыми он хотел послужить “общечеловеческому благу”. Далее, в письме к

Государю, он писал, что изучение много лет назад французского республиканского строя привело его “к убеждению в превосходстве монархического принципа”, изучение и разъяснение которого стало с тех пор его главной задачей. Наибольшую трудность для исполнения своей задачи Л.А. Тихомиров видел в “неумении людей выделять действие самого принципа из того, что лишь посторонне к нему примешивается”, при котором отождествление самодержавия с абсолютизмом приводит к развитию бюрократического всевластия в области государственного управления. При правильном же понимании сущности монархии, “будучи Верховной Властью Высшей правды, Монархия одна из всех политических принципов способна воздвигать государственный строй непосредственно на социальном”, т.е. на сословно-профессиональной организации социальных слоев общества, она не дает партийному политиканству узурпировать власть над нацией. Спасение же от бюрократической узурпации он видел в построении “правительственных учреждений по системе сочетания народного самоуправления и действия бюрократии их взаимною сдержкою”. Он был глубоко уверен, что “при правильном построении учреждений, соответственно монархическому принципу, Россия не только сама освободилась бы от политических противоречий, но могла бы дать пример высшей государственности всему миру, ныне столь в этом нуждающемуся”¹.

“Монархическая государственность” Л.А. Тихомирова дала монархическому движению идейное выражение своих чувств и бессознательных национально-патриотических ощущений, изложенных в строгую в своем логическом построении систему истории и догматики монархической государственности, чего не было сделано ранее до выхода этой книги. Он видел необходимость в новой породе людей, которые смогут возродить монархическую государственность на основе его идеальных конструкций.

В связи с этим интересно письмо, ответ Л.А. Тихомирова редакции журнала “Миссионерское обозрение” (В.М. Скворцов) на просьбу о более регулярном и деятельном участии в журнале. «Чем больше, — писал он, — я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразие буффонального патриотизма — у одних и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами; космополитизм же губит нашу интеллигенцию, талантливейшую в мире, способную на великие жертвенные подвиги. Если социализм

¹ РГИА, ф. 472, оп. 43, д. 3а.

и космополитизм глушат исконный наш монархизм — вина в том на нашей школе и политической науке, которая больше интересуется демократическим и социалистическим принципом, чем монархическим. Наши правящие круги и вся вообще нация застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов “за самодержавие, Православие и русскую народность”, он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать... Нужно создать, как выражались просвещенные западники Екатерининской эпохи, “новую породу русских людей” — но только не ту, что начала выращивать Петровскую Русь, — “сознательно монархическую породу”, так чтобы вся нация ясно осознала великое преимущество монархической государственности перед другими видами и формами власти и управительного строя, поняла бы то великое благо, которое провидением ниспослано Российской Державе в Самодержавии Русских Царей... Я спешу как можно скорее закончить свое исследование монархической государственности, которое составит *comprendium* всего того, над чем я работал много лет, о чем ранее писал и печатал по вопросам государственноведения и политики»².

Достоинство исследования Л.А. Тихомирова “Монархическая государственность” состоит в определении исторической преемственности русской государственности через римскую и византийскую, в осмыслении места русского самодержавия в ряду других православных имперских государств (Рима и Византии), в выяснении идеального (в идее) содержания царской власти и определении правильных и неправильных форм того или иного принципа Верховной власти, в освещении истории русской государственности и сопутствующем ей развитию русского самосознания, в признании недостаточной осознанности русских идеалов.

Общими основами монархии для Л.А. Тихомирова являлись *религиозное начало и социальный строй*. От Верховной Власти он требовал *сознательного* понимания сущности своего принципа.

Понятию “Верховная власть” в доктрине Л.А. Тихомирова отведено особое место, с его помощью сама система принимает черты идеократические. «Через посредство категории “верховная власть”, — как пишет М.Ю. Понежин, — Л.А. Тихомирову удалось объединить классические теоретико-юриспруденческие подходы, традиционно существовавшие в рамках естественно-правовой и

² *Маевский Вл.* Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934. С. 71–72.

позитивно-правовой школ. Ему удалось найти вариант ответа на вопрос: что более фундаментально в конституировании государственности и основ правопорядка — “справедливость” (школа естественного права) или “воля суверена” (позитивно-правовая школа). Обширная аргументация Л.А. Тихомирова в известной мере синтезирует эти подходы, так как если государство адекватно своей “норме”, то есть идее-принципу, выраженному в вековом опыте, то “воля суверена” (верховой власти) и выражает ту трактовку справедливости, которая генетически связана с национально-религиозными особенностями “идеократического элемента”, объективацией которого “верховная власть” является»³.

Монархической политикой, которой посвящено значительное место в книге “Монархическая государственность”, Л.А. Тихомиров называл учение об обязанностях монархического государства в отношении общества и личности. Одним из основных вопросов монархической политики он выставляет правильное определение компетенции монархического государства или, иными словами, определение тех пределов, в которых оно должно действовать и которые оно не должно переступать.

Пределы действия государства ограничиваются Л.А. Тихомировым “обязанностью служить личности и обществу как силам *самобытным*, а потому не делать ничего, уничтожающего и задушающего *самостоятельность личности и общества*”⁴.

Государь ограничен содержанием своего идеала, следование которому полагается царским долгом.

Как-то известный эмигрантский писатель Иван Солоневич (1891–1953) назвал “Монархическую государственность” “*Библией монархизма*” и оказался весьма точен в этом определении. Уже несколько поколений русских мыслителей, защищающих исторические государственные традиции, обращаются к этой книге как к источнику, хранящему философию русской государственности — государственности, потерянной с революцией, но всегда возможной к новому возрождению.

Система православной монархии

Идея монархии непонятна и отвергаема многими. Отвергаема на основе всевозможных созданных о ней мифов. Искусственный туман демократических стереотипов, ложных представлений о мо-

³ Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): Дисс... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000. С. 31–32.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1992. С. 400.

нархии застилает, как плотный занавес существо идеи монархии. “Идея самодержавия, — писал профессор В.Д. Катков, — не есть какая-то архаическая идея, обреченная на гибель с ростом просвещения и потребности в индивидуальной свободе. Это вечная и универсальная идея, теряющая свою силу над умами при благоприятном стечении обстоятельств, и просыпающаяся с новою силою там, где опасности ставят на карту самое политическое бытие народа. Это героическое лекарство, даваемое больному политическому организму, не утратившему еще жизнеспособности”⁵.

Многие, даже видящие логичность рассуждений консервативных авторов, стройность их политических систем, саму величину этих мыслителей, удивительным образом все же не хотят признавать возможность и полезность для современности использования монархического принципа в государственном строительстве.

Против монархического образа правления часто выступают из-за опасения, что принцип наследственности не дает гарантий больших способностей представителей монархических династий. Может, говорят, родится монарх гениальный, а может и человек ниже средних способностей. Сам Л.А. Тихомиров считает способности монарха не столь значительным обстоятельством в деле государственного управления, более важным ему видится хорошая организация системы государственного управления и правильного выражения основ, на которых держится монархия. Да, монарх может быть средних способностей, но это никак не может отразиться на возможности выражения им нравственного идеала монархии, что достигается обдуманной системой воспитания будущих носителей верховной власти, в которой на первом месте должно стоять религиозное воспитание. “Монарх должен знать, — пишет Л.А. Тихомиров, — что если в народе нет религиозного чувства — то не может быть и Монархии. Если он лично не способен сливаться с этим чувством народа — то он не будет хорошим монархом”⁶.

Монарху необходимо иметь ту же самую веру, что и его народу, воспитываться не в среде “золотой молодежи” при дворе, а в доброй обстановке более тихих уголков в непосредственном соприкосновении с жизнью нации.

Что же касается других упреков в адрес монархии, таких как ограничение свободы деятельности нации бюрократической опекой, произвол чиновников из-за ограниченного круга непосредственного действия единоличной власти и т.д., — упреки эти отно-

⁵ Катков В.Д. О русском самодержавии. Харьков, 1906. С. 19.

⁶ Тихомиров Л.А. Указ. соч. С. 450.

сятся к абсолютистскому извращению понимания монархии, и не являются свойственными истинной или чистой монархии. Скорее же всего, глубинно, подсознательно неприязнь к монархии в современном демократическом обществе сформирована недоверием вообще к личности, к возможному положительному и свободному личному творчеству на государственном поприще.

Доверие к личности настолько подорвано в демократическом обществе, что ее деятельность во власти стремятся всячески обложить всевозможными законодательными ограничениями в надежде предотвратить или, на худой конец, усложнить этой личности возможности приносить вред обществу и государству. Доверие толпы к личности ею же избираемой крайне шатко и всегда недолговечно...

Свободу личности, свободу ее деятельности пытаются ограничить всевозможными постановлениями, уставами и прочими бумагами, рождаемыми демократическим бюрократизмом миллионами штук. Личность скована в демократии либо властью денег, либо властью партии, либо властью толпы.

Это глубокое неверие в личность, естественно, переносится и на страну ее воспитавшую, на Россию, которая выступает в демократических мнениях как никчемность, как объект исторических ошибок, как страна безнадежно выпавшая из мировой цивилизации из-за своего замшелого, патриархального сознания. Отсюда отрицание всякой самобытности для России и, кажется, бесконечные попытки втиснуть русскую нацию в либеральные политические и культурные шаблоны.

В конечном счете, все мнения о России, о ее судьбе, призвании, истории, все “за” и “против” сводятся к одному вопросу: самобытна ли Россия или нет?

Из ответа на этот вопрос исходят уже все остальные концепции. Или, иными словами, все концепции, все идеи, по сути, могут подразделяться на признающие самобытность в отношении России и на отрицающие ее.

Отрицающие убеждены в том, что Россия безнадежно отстала от развитого Западного мира, и что этот Западный мир развивается в единственно правильном и единственно возможном направлении, а поэтому идут по пути подражания.

Признающие же самобытность России идут (или пытаются идти) по пути творчества, основанного на традиционных, корневых национальных идеалах. Как правило, эти люди признают разноразвивающиеся культурно-исторические цивилизации, идущие по своим национальным путям.

Самобытность верховной самодержавной власти в России

Самобытность верховной власти в России — это, быть может, одна из наиболее ярких областей самобытности русского духа. Самобытность самодержавия прежде всего в том, что оно родилось и росло вместе с рождением и ростом самой русской нации. А значит, оно плоть от плоти русского народа, включает в себя все религиозные, психологические, бытовые и культурные стереотипы русского мышления, психологии, веры и вкусов.

“Царская власть, — писал Л.А. Тихомиров, — развивалась вместе с Россией, вместе с Россией решала спор между аристократией и демократией между православием и инославием, вместе с Россией была унижена татарским игом, вместе с Россией была раздроблена уделами, вместе с Россией объединяла страну, достигла национальной независимости, а затем начала покорять и чужеземные царства, вместе с Россией сознала, что Москва — третий Рим, последнее и окончательное всемирное государство. Царская власть — это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божьей воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого и имея в виду будущее нации”⁷.

Признание несамостоятельности, несамобытности — есть признание бесталанности, безвольности и беспомощности за Россией и русским народом с одновременным отказом и от собственных попыток творить что-либо самостоятельно и самобытно. Это ведет, по мнению Л.А. Тихомирова, наших демократов и к личной подражательности, каковую мы видим на протяжении XIX—XX вв., которые не принесли ни одного крупного мыслителя, но зато дали легионы средней руки подражателей, “просветителей” в духе западных новомодных политических и других учений. Отсюда всегдашняя бесхребетность большинства нашей “мыслящей” интеллигенции, готовой легко принимать в себя западные убеждения и с такой же легкостью расставаться с ними при новом идейном дуновении со стороны “страны великих чудес” (Западного мира).

Подражатель всегда сомневается в том, что какая-то личность одна может быть права, ее взгляд устремлен на массу, на то, чтобы узнать за каким мнением стоит большинство, сила и лишь тогда присоединиться к нему. При этом не нужны ни долгие размышления, ни душевные и умственные мучения, что является необходимостью при творчестве. Здесь слабая личность выбирает наиболее легкий путь — подражания; путь, не требующий подвига; здесь

⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 56.

корни демократии — все усредняющей, всех понижающей и всех расслабляющей.

Самобытность же требует личности. Быть самобытным — это поступок, заставляющий усиленно работать все человеческие силы. Из самобытности рождается и единоличная власть, власть, желающая творческого и героического самостоятельного действия.

“Монархическое начало, — писал, единомышленник Л.А. Тихомирова, профессор В.Д. Катков, — есть действительное творческое начало государства и цивилизации. Республиканские формы государственной жизни представляют собою нечто несамостоятельное, производное, растущее из элементов, вырабатываемых началом единой державы. Только под господством монархического начала, как под знаменем единства, вырастает та дисциплина и сила сцепления, которые необходимы для республик и которые одни могут из кучи песчинок, не связанных элементов — особей и мелких групп, создать стройное здание государства”⁸.

Особое значение Царя, значение его власти в смысле всемирном, безусловно, определяется тем, что он является не только державным вождем русского народа, но и блюстителем и покровителем всей Православной Церкви: роль, каковую он получил от своих царственных предков через посредство православных императоров Рима и Византии, это роль всемирно-историческая. “Вот где тайна, — утверждал Л.А. Тихомиров, — той глубокой особенности, которую Россия отличается среди других народов мира”⁹.

Исследованию этой самодержавной самобытной русской власти и посвятил свою жизнь Лев Александрович Тихомиров.

Общие основы монархии

Монархическое устройство общества и государства требует напряженного духовного делания, без которого самодержавная власть государей невозможна, поскольку общими основами существования монархии являются религиозное начало и упорядоченный сложно-сословный социальный строй. Также как в духовной жизни, от верховной власти требуется сознательное понимание сущности своего принципа. В зависимости от различных влияний этих трех факторов появляются три типа монархии: деспотическая, абсолютистская или самодержавная.

Религиозный элемент в единоличной верховной власти очень важен. “Участие религиозного начала, — пишет Л.А. Тихомиров, —

⁸ Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия. Харьков, 1907. С. 20.

⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 130.

безусловно, необходимо для существования монархии, как государственной Верховной власти. Без религиозного начала единоличная власть, хотя бы и самого гениального человека, может быть только диктатура, властью безграничной, но не верховной, а управительной, получившей все права лишь в качестве представительства народной власти”¹⁰.

Чем ближе религия стоит к нравственному учению христианства, тем более правильная форма монархии будет реализовываться. Чем более неясен и далек от христианского идеала нравственный характер божества той или иной религии, тем менее будет различия между властью законной и узурпаторской, и тем более будет играть значение мерило успеха, характерное, например, для ислама.

В социальном плане человечество, по Л.А. Тихомирову, переживает две стадии развития: патриархальную и гражданскую.

Патриархальный быт представляет из себя быт разросшейся семьи и существует до тех пор, пока члены этой семьи могут лично общаться. При большем разрастании быт патриархальный превращается в родовой, где уже нет такой четкой власти патриархального владыки. Именно поэтому родовой строй есть ступень перехода к быту гражданскому, при котором появляется власть политическая, основанная уже не на семейных и не на родственных отношениях. С переходом в гражданское состояние появляется понятие о верховной власти.

По мнению Л.А. Тихомирова, при разном социальном быте существуют предпосылки к разным принципам власти. Патриархальный быт благоприятен возникновению монархической власти, особенно при необходимости общей самозащиты. При родовом быте в сходной ситуации скорее всего возобладает аристократический элемент. В гражданском же обществе “монархия является тем легче, чем элементы гражданской жизни сложнее и чем сильнее они каждый порознь развиты”¹¹.

Переходя к разновидностям монархической власти, Л.А. Тихомиров определяет их три: одну чисто монархическую или самодержавную и две представляющие ее извращения — деспотическую и абсолютистскую.

В монархии правильная воля монарха подчинена истинному Богу, а народ видит в монархе Божьего слугу, подчиняясь ему безгранично до тех пор, пока монарх не перестает сам быть слугою Божьим.

¹⁰ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 78.

¹¹ Там же. С. 86.

“Бог пребывает, — писал Л.А. Тихомиров, — с народом верующим в Него. Он пребывал с Израилем. Он пребывает с христианской церковью, с совокупностью верующих. Этому Богу, пребывающему в народе, служит монарх. То же, что называется духом народа, в данном случае выражает настроение, требуемое самим Творцом. Так служение Богу совпадает у монарха с единением с народным духом. Этой полной независимостью от народной воли и подчиненностью народной вере, духу и идеалу — характеризуется монархическая власть, и этим она становится способною быть верховною”¹².

Монархии, основанные на ложных религиозных концепциях, порождают произвольность власти монархов. Такие монархии Л.А. Тихомиров называет деспотическими. Деспотической монархии присуща произвольность власти, поскольку представления о содержании и направлении воли божества, являющего лишь сверхчеловеческую силу, обществу неведомы. В связи с такими представлениями о божестве нет никакого истинно нравственного идеала, потому деспот действует произвольно, исходя из самого себя. Произвольность или деспотичность власти происходит или из личного обожествления монарха, или из божества, в котором нет нравственного содержания, а признается только сила, которой народ может лишь бояться.

Кроме деспотического искажения монархический принцип знает еще один тип искажения, называемый абсолютизмом. Абсолютизм олицетворяет власть, ничем не созданную и не зависящую ни от кого кроме себя самой. По сути дела абсолютизм власти свойственен только демократии. Абсолютизм, как и демократия, самодостаточен и исходит из самого себя; выше самого себя он не знает силы, поэтому нравственный идеал этой власти низок. Абсолютизм в сущности похож на диктатуру, так как соединяя в себе все власти, не представляет верховной. Все им соединенные власти суть народные, а поскольку абсолютизм не представляет власть Божественную, не следует религиозной идее, а самодостаточен, то он не имеет верховной власти над народом. Скорее всего абсолютного монарха можно назвать наследным диктатором или вечным народным депутатом. Делегирование народом власти одному лицу в какой-либо сложный для государства момент еще не создает этой единоличной власти верховенства. Народ всегда может потребовать от своего делегата то, что он ему доверил. Поэтому абсолютистские монархии рождаются из демократии, как ее делегация, и к ней же ведут, как случилось в Европейской монархии.

¹² Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992 С. 96.

Верховное управление в монархическом государстве

Изучая систему управления монархического государства, Л.А. Тихомиров прежде всего ставил вопрос о месте в этом управлении самого монарха. Он предложил разработанную им систему государственного действия верховной власти или действия по “царской прерогативе”, как он ее называл, где определял два способа действия верховной власти. Обычный порядок управления сводился к действию верховной власти через посредство государственных учреждений; чрезвычайный — к действию непосредственно в порядке верховного управления.

Под действием по царской прерогативе Л.А. Тихомиров имел ввиду особое действие по естественному царскому праву, которое не противоречит обычному юридическому праву, но которое находится вне конкретных его форм (статей) и требуется исключительными государственными обстоятельствами. Юридический закон всегда устанавливает средние нормы законности, но этого часто не достаточно для торжества высшей правды, которому служит монархический принцип. Поэтому монарх как личность, на гарантии его царской совести, должен иметь право действия, не согласующееся с реально существующими в наличии законами, если те не могут поддержать правду на должной высоте. “Царская прерогатива решения по совести поддерживает сознание того, что правда выше закона, что закон только и свят — как отблеск правды. Царская прерогатива действия по совести совершенно неустраима в монархии. Там, где она исчезла — монарха, как верховной власти уже нет”¹³.

Это царское естественное право Л.А. Тихомиров выводит из ситуации самого зарождения государственности, когда верховная власть монарха являет собой все виды управления — и верховные, и подчиненные. Дальнейшее же развитие института государственности должно приводить к тому, чтобы верховная власть монарха становилась “силой только направляющей и контролирующей”, перекладывая прочие функции на подлежащие управительные власти, установленные верховной властью.

Но поскольку полного совершенства достичь раз и навсегда невозможно, и поскольку человек в своей жизни руководствуется чаще всего не юридическими нормами, а нормами конкретными, жизненными, которые то выше средних норм юридических, то их ниже, то и закон не всегда совпадает с нравственной справедлив-

¹³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. III. С. 159.

востью и государь должен иметь возможность восполнять несовершенство юридических законов и устройства государственных институтов. Он обязан своим царским естественным правом действовать, не сообразуясь с тем или иным законом, — особенно в ситуации, требующей чрезвычайных мер, законом не установленных. Но это право должно быть только у монарха как у верховной власти государства, которая единственно может создавать закон и его отменять.

Монархическая политика и царские принципы

Монархической политикой Л.А. Тихомиров называет учение об обязанностях монархического государства в отношении общества и личности. Одним из основных вопросов монархической политики он выставляет правильное определение компетенции монархического государства или, иными словами, определение тех пределов, в которых оно должно действовать и которые оно не должно переступать.

Пределы действия государства указываются Л.А. Тихомировым “обязанностью служить личности и обществу, как силам самобытным, а потому не делать ничего, уничтожающего и давящего самостоятельность личности и общества”¹⁴.

Л.А. Тихомиров утверждает первенствующее значение основанного на нравственной высоте монархического принципа верховной власти. Появление государства с монархическим принципом верховной власти для Л.А. Тихомирова — это симптом высокого духовного, религиозно-нравственного состояния нации. Выгодами монархического правления являются следующие: наилучшее обеспечение единства власти, а значит и проистекающей из единства ее силы и прочности; независимость, непричастность частным и партийным интересам монархической власти¹⁵; монархическое правление наилучше обеспечивает порядок и наиболее справедливый третейский суд в социальных столкновениях; оно наиболее способно к крупным преобразованиям; монархия — это власть единоличная, поэтому при ней легче всего проявиться крупной творческой личности; она же и наиболее способна давать место сочетанию различных принципов власти в своей управительной системе.

Остальные принципы власти для Л.А. Тихомирова не могут нести функции верховенства с должной убедительностью.

¹⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 420.

¹⁵ “В отношении нации, — как говорил Л.А. Тихомиров, — Монарх не личность, а идея”.

Аристократический принцип из-за преобладания частного интереса над общегосударственным, из-за чрезмерной неподвижности, из-за неспособности к крупным преобразованиям и т.п. крайне мало пригоден к обязанностям верховной власти. Но сколь аристократический принцип слаб для верховной власти, столь он силен для образования правящего слоя и для управительной власти, в которой собственно и есть его место в идеальном государстве.

Также мало пригоден к верховной власти и демократический принцип, так как все хорошие свойства демократии могут проявляться только в маленьких государствах, где возможны всенародные собрания, на которых демократический принцип действует прямо, без “представительства” своей воли партийными политиками. Но опять же, как и в случае с аристократическим принципом, демократический хорошо действует в местных и корпоративных управительных делах, в которой возможно его прямое действие.

Аристократия и демократия, по Л.А. Тихомирову, обладают определенными положительными свойствами в области управительных властей, но обе непригодны для верховной власти. Монархия же, напротив, имеет множество свойств, необходимых для верховной власти.

Все же хорошие управительные качества единоличной власти (единство, энергия действия, концентрация власти и т.д.) могут подрываться ограниченным пределом действия единоличной власти. Поэтому для монархии свойственно стремление создавать сочетанную управительную власть, привлекая к государственному строительству все лучшие свойства двух других принципов власти, что происходит из-за относительной ограниченности единоличной власти при непосредственном управлении всеми текущими государственными делами.

Верховная властная роль монарха в государстве состоит в руководстве управительными властями, жестком контроле над ними и усовершенствовании их личного состава и структуры. Не сливаясь с управительной машиной государства, монарх приводит своей волей ее в действие, придавая ей направление и цель движения. “Верховная власть находится среди этих специализированных властей, как единственная универсальная, сохраняющая в себе все функции (законодательную, судебную, исполнительную)”¹⁶.

Задачей искусства управления, по Л.А. Тихомирову, является произведение наибольшего количества полезного действия с наименьшей затратой сил. Исходя из этого правила понятна необхо-

¹⁶ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 214.

димось особенного контроля за его соблюдением в отношении верховной власти, силы которой ограничены личностью монарха.

Монархическая власть имеет множество управительных преимуществ, но область прямого действия, непосредственного участия у нее весьма ограничена, именно поэтому в монархическом государстве всегда сильно развита система передаточной власти. При такой системе монарх получает возможность не заниматься лично всеми делами государства, а лишь их контролировать и, если нужно, своим прямым вмешательством направлять ту или иную отрасль управительной власти в нужное русло. Государственный механизм должен функционировать самостоятельно в обычном порядке лишь под наблюдением монарха до тех пор, пока нет чрезвычайных ситуаций, выход из которых должен определяться верховной властью.

Идеальной целью управительных учреждений должно быть такое усовершенствование своей деятельности, чтобы монарху не требовалось непосредственно вмешиваться в обычный ход государственных дел. Но здесь же кроется и угроза узурпации управительными властями верховной власти, или, иначе говоря, опасность появления непроницаемого для мнений народа средостения и бюрократизации верховной власти. Избежать этого можно только при постоянном направлении и контроле верховной властью деятельности управительных бюрократических учреждений, а также налаженной системой контроля со стороны общественного самоуправления.

В организации административного управления монархического государства необходимо очень точно разграничивать сферы ведения народного самоуправления и бюрократического. Здесь надо заметить, что Л.А. Тихомиров утверждал необходимость вхождения института самоуправления в систему государственного управления, подведомственную верховной власти, поскольку не должно быть никакого государства в государстве, не подвластного верховной власти. При этом необходимо сочетать власть бюрократическую и общественную власть самоуправления.

“Система сочетания бюрократического и общественного управления, всегда бывшая во всех процветающих монархиях, не только прямо вытекает из смысла государства и монархического принципа, но составляет для Верховной Власти единственное средство создать действительно хорошее управление страной”¹⁷.

¹⁷ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 196.

Л.А. Тихомиров формулирует царские принципы или обязательные действия и поведение монархической власти в отношении себя самой. Это в некотором смысле как бы внутренняя идеология монархического принципа.

Главным царским принципом Л.А. Тихомиров называет строжайшее следование долгу. Величайшим злом власти монархической здесь почитается переход ее в произвол. Следованию долгу сопутствует необходимость самообладания, являющаяся одной из главнейших целей царского воспитания. С долгом связаны и все другие царские принципы, заключающиеся в поддержании справедливости закона.

Царь ограничен содержанием того идеала, который является его долгом. Отсюда вытекает важный царственный принцип: “сознание своей безусловной необходимости нации”¹⁸. До тех пор пока нация хранит религиозно-нравственный идеал, царь необходим нации и это тот факт, в котором царь должен быть уверен.

Он не имеет право ограничить свой идеал, свою власть. Для него ограничение самодержавия должно пониматься как упразднение верховной Божественной власти в устройении общества. Царь не имеет на это права, так как в отношении своего идеала, выразителем которого он является, он есть лишь хранитель, доверенное лицо Божие. В отношении своего идеала монарх имеет только обязанности. Поэтому пока в нации религиозно-нравственный идеал признается за высший, монарх должен теснейшим образом общаться с нацией, без чего ему невозможно быть выразителем ее духа. Ему необходимо различать действительную волю нации и только кажущуюся. Действительная воля нации исходит из ее духа и национальной традиции, кажущаяся же навязывается ее сознанию разными партийными агитациями.

Все воспитание личности монарха в конечном счете сводится к подготовке его для исполнения своего царского долга, к восприятию царских династических традиций служения Богу, государству и нации. Монарх является преемником, продолжателем державного дела своих предков, также как его подданные являются продолжателями служения царям, которое они унаследовали у своих предков. Тут имеет место духовное единство верховной власти и народа, объединенных в служении друг другу.

«Династичность, — как писал Л.А. Тихомиров, — устраняет всякий элемент искания, желания, или даже просто согласия на

¹⁸ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 456.

власть. Она предрекает за сотни и даже тысячи лет вперед для личности, еще даже не родившейся, обязанность несения власти и соответственно с тем ее права на власть. Такая “легитимность”, этот династический дух, выражают в высочайшей степени веру в силу и реальность идеала, которому нация подчиняет свою жизнь. Эта вера не в способность личности (как при диктатуре), а в силу самого идеала»¹⁹.

Метафизика и государство

Довольно давно было замечено различными учеными, что метафизические воззрения напрямую связаны с государственными и вообще правовыми — от того или иного восприятия Бога и мира как системы зависят и теоретические рассуждения о государстве и обществе. Церковь для теологического мирозерцания имеет параллелью в социальных отношениях идею государства как тела социума, в него входящего.

Современная Л.А. Тихомирову русская государственность находилась в неустойчивом состоянии. Государственный корабль крошился, разъеденный различными антигосударственными политическими кислотами. Нация находилась в страхе перед своим будущим. “Наши сограждане, — писал в начале XX столетия Л.А. Тихомиров, — ...совершенно растерялись. В ужасе они не знают, где искать спасения. Обычная жизнь человека в нормальное время со всех сторон окружена ясными рамками политических и социальных учреждений, охранена законом и властью. Теперь же все кругом рассыпается. Вся страна вообще и все ее жители в частности не знают, что с ними будет завтра, не знают, что будет сегодня: не ограбят ли? не сожгут ли? Не застрелят ли или не взорвут ли... Вокруг него (обывателя — *Прим. М.С.*) все перевернулось вверх дном, и жители, как слепые среди пропастей, не знают, куда ступить, где гибель, где торная дорога.

Как же им тут не обезуметь? А когда человека охватывает безумный страх перед жизнью, все его нравственные устои неизбежно расшатываются. Все соблазны низости, корысти, злобы, эгоизма усиливаются в десять и сотню раз, а спасительная нравственная сила сопротивления во столько же раз ослабляется в душе.

Как известно, главная опора духовной силы есть самообладание, а тут у всех является, напротив, полная растерянность”²⁰.

¹⁹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905. Ч. IV. С. 37.

²⁰ Тихомиров Л.А. Христианство и политика // Апология веры и монархии. М., 1999. С. 112.

Л.А. Тихомиров считал, что христианская проповедь при подобном государственном хаосе способна заменить отсутствие правильного понимания социальных и государственных идеалов. Политическая наука у нас крайне молода и пока не может быть ведущей в области формирования положительных политических идеалов. Христианская же проповедь возрождает правильное отношение личности к обществу на основе христианской нравственности и, имея двухтысячелетнюю историю, может на исторических примерах раскрывать те базовые основы общественности, которые не исчезают, но подвергаются временным искажениям ради социальных экспериментов.

“Отрешившись от руководства, — утверждал Л.А. Тихомиров, — какое имели наши предки в христианстве, мы теперь не столько ведем строение, как мечемся среди противоречивых принципов, которыми доводим свое общество и государство до истинного разложения.

Если бы христианская проповедь твердо стала на свою почву, она, несомненно, снова помогла бы русскому народу выйти из этого мятущегося состояния. Но для этого нужно, чтобы христиане не боялись твердо противопоставить свою правду тем спутанным фантазиям, которые у нас выдаются за якобы научные системы общественного и политического строя”²¹.

Не надо делать из Церкви партию, сводя на уровень борющихся за земную власть, но для возрождения государственности в России необходимо дать политике духовную опору в христианском учении, внести ее философию как системообразующую в нашу политическую жизнь. Л.А. Тихомирову претило понятие “светского” государства, рожденного суемудрием французских освободителей XVIII столетия. “Свое представление о том, в чем состоит главная, высшая мировая сила, и свое стремление быть с ней в гармонии человек налагает на все области своего творчества, в том числе и на государственность.

Поэтому государству приходится заботливо беречь и поддерживать все то, в чем происходит самое зарождение нравственного чувства”²².

Л.А. Тихомиров гениален в своем упорном и последовательном протесте против сумасшествия антигосударственных сил XIX и XX вв., решивших (с большей или меньшей степенью радикали-

²¹ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. С. 115.

²² Тихомиров Л.А. Государственность и религия // Апология веры и монархии. С. 125.

зации этого требования), что социальная жизнь возможна и без государства в традиционном его понимании. Говоря языком крупнейшего немецкого правоведа XX столетия Карла Шмитта (1888–1985) о Л.А. Тихомирове, можно сказать, что он был политическим теологом, метафизиком монархической государственности.

Молодой Карл Шмитт писал об отношении метафизики и государства другими словами, но по сути дела в том же духе, в каком всю жизнь о них писал и Л.А. Тихомиров. “Все точные понятия, — утверждал К. Шмитт, — современного учения о государстве представляют собой секуляризированные теологические понятия... Чрезвычайное положение имеет для юриспруденции значение, аналогичное значению чуда для теологии. Только имея в виду подобные аналогии, можно понять то развитие, которое проделали в последние века идеи философии государства. Ибо идея современного правового государства реализуется совокупно с деизмом с помощью такой теологии и метафизики, которая изгоняет чудо из мира и которая так же отклоняет содержащееся в понятии чуда нарушение законов природы, устанавливающее исключение путем непосредственного вмешательства, как и непосредственное вмешательство суверена в действующий правопорядок”²³.

Чудо, о котором говорит К. Шмитт в государственном праве может быть названо чрезвычайным управлением, диктатурой или какой-нибудь подобной формой правления, не предусмотренной в обыкновенном (конституционном) порядке, но без которого государственность во времена глубоких кризисов, крупных (мировых) войн или каких-либо глобальных катастроф, рискует пасть под напором антигосударственных разрушительных сил, стремящихся использовать и использующих подобные ситуации. Это понимание было сформулировано уважаемым юристом в самом начале 1920-х гг. Для него, да и для Л.А. Тихомирова, верховной властью была та, которая может учреждать чрезвычайное положение в государстве или, иначе говоря, творить диктатуру.

Это понимание метафизики верховной власти, — поставленной для творения “чудес”, диктата вне законодательных актов управления государством, — занимает особое место в системе, разработанной Л.А. Тихомировым²⁴.

²³ Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С. 57.

²⁴ См. его работы “О недостатках конституции 1906 года” (М., 1907), “Самодержавие и народное представительство” (М., 1907), “Верховная Власть и Основные Законы 1906 года” (М., 1909) и конечно “Монархическая государственность” (М., 1905).

Метафизическое сознание Л.А. Тихомирова при его глубоком самообразовании²⁵ и логической интуиции от Бога в области государственоведения дало необычное (для традиции либеральной и социалистической юриспруденции) понимание монархии и ее верховной власти. Его сознание исследователя шло вслед сознанию христианина в отношении к власти земной и желало видеть (и этим своим видением воспитывало и саму власть) в государе — владыку, во власти которого есть отблеск власти Владыки Вселенной (Вседержителя), как, впрочем, и в любой другой власти (начальника, отца и т.д.); хотело видеть благостность, личностность, авторитетность, покровительственность, идеальность и т.д.

Л.А. Тихомиров был, прежде всего, православным христианским мыслителем, что очень важно и для понимания его системы взглядов на государство и верховную власть. Идея жертвенности, столь понятная религиозным людям, ставится Л.А. Тихомировым в основание мощи государственной. Как церковь стоит кровью мучеников, укрепляющей дух верующих и пополняющих сонм небесных молитвенников, так и государство строится разнообразной жертвенностью его граждан. Никакие законы не заменят жертвенности. Юридические законы могут обеспечивать личные права гражданина и сохранность его собственности, но только жертвенность граждан относится к области неписаного нравственного императива, единственного жизненно необходимого для поддержания самого существования государства. Государство стоит до тех пор, пока граждане видят смысл жертвовать всем или многим во имя общего достояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- РГИА, ф. 472, оп. 43, д. 3а.
Катков В.Д. О русском самодержавии. Харьков, 1906.
Катков В.Д. Нравственная и религиозная санкция русского самодержавия. Харьков, 1907.
Маевский Вл. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. Новый Сад, 1934. С. 71—72.
Понежин М.Ю. Доктрина монархической государственности Л.А. Тихомирова (философско-правовой анализ): Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2000.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1905.
Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992.
Тихомиров Л.А. Христианство и политика // Апология веры и монархии. М., 1999.

²⁵ Он не получил “правильного” и оконченного университетского образования, поскольку сидел в тюрьме.

Тихомиров Л.А. Государственность и религия // Апология веры и монархии. М., 1999.

Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете. М., 2000. С. 57.

REFERENCES

RGIA, f. 472, op. 43, d. 3a (in Russian).

Katkov V.D. O russkom samodержavii [About Russian autocracy]. Har'kov, 1906 (in Russian).

Katkov V.D. Nravstvennaya i religioznaya sankciya russkogo samodержaviya [Moral and religious sanction of the Russian autocracy]. Har'kov, 1907 (in Russian).

Maevskij Vl. Revolyucioner-monarhist. Pamyati L'va Tihomirova [Revolutionary Monarchist. In memory of Lev Tikhomirov]. Novyj Sad, 1934. S. 71—72 (in Russian).

Ponezhin M. Yu. Doktrina monarhicheskoy gosudarstvennosti L.A. Tihomirova (filosofsko-pravovoj analiz): Diss. ... kand. jurid. nauk [The doctrine of monarchical statehood L.A. Tikhomirov (philosophical and legal analysis). Dis... cand. legal Sciences]. Rostov-n/D., 2000 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. М., 1905 (in Russian).

Tihomirov L.A. Monarhicheskaya gosudarstvennost' [Monarchical statehood]. SPb., 1992 (in Russian).

Tihomirov L.A. Hristianstvo i politika [Christianity and Politics] // Apologiya very i monarhii. М., 1999 (in Russian).

Tihomirov L.A. Gosudarstvennost' i religiya [Statehood and Religion] // Apologiya very i monarhii. М., 1999 (in Russian).

Shmitt K. Politicheskaya teologiya [Political Theology] // Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete. М., 2000. С. 57 (in Russian).